

роли, которая вслѣдствіе сказаннаго кѣмъ-нибудь изъ присутствующихъ мѣткого слова вдругъ освѣщалась новымъ свѣтомъ и долженствовала быть выражена сильнѣе или проще и вообще вѣрнѣе. Иногда одно замѣчаніе, кинутое мимоходомъ и пойманное на-лету, открывало Щепкину цѣлую новую сторону въ характеръ дѣйствующаго лица, съ которымъ онъ до тѣхъ поръ не могъ сладить¹⁾.

А самъ Щепкинъ писалъ Шумскому: „старайся быть въ обществѣ, сколько позволить время, изучай человѣка въ массѣ, не оставляй ни одного анекдота безъ вниманія и всегда найдешь предшествующую причину, почему случилось такъ, а не иначе: эта живая книга замѣнитъ тебѣ всѣ теоріи, которыхъ, къ несчастью, въ нашемъ искусствѣ до сихъ поръ нѣтъ. Поэтому всматривайся во всѣ слои общества безъ всякаго предубѣжденія къ тому или другому и увидишь, что вездѣ есть и хорошее и дурное, и это дастъ возможность при игрѣ каждому обществу отдать свое, то-есть крестьяниномъ ты не будешь умѣть сохранить свѣтскаго приличія при полной радости, а бариномъ во гнѣвѣ не раскричишься и не размахнешься, какъ крестьянинъ“.

Итакъ, матеріаль, для творчества Щепкинъ бралъ изъ жизни. Какъ же онъ обрабатывалъ этотъ матеріаль для возведенія его на степень художественнаго созданія? Къ разсмотрѣнію этого вопроса мы теперь и обратимся.

1) С. Т. Аксаковъ. Разныя сочиненія, стр. 356.